

Добросовестное исполнение договорных обязательств по российскому праву

Д. С. Алякин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: Алякин, Дмитрий С. 2022. «Добросовестное исполнение договорных обязательств по российскому праву». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 107–124. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.106>

В статье исследуется добросовестное исполнение договорных обязательств по праву России, а также выявляются адресованные сторонам требования в этой сфере. Актуальность работы обусловлена возрастающим вниманием российского законодателя к расширению применения добросовестности в гражданском обороте, в том числе при исполнении обязательств. Цель исследования — изучение сущности добросовестного исполнения обязательств. Материалом послужили Гражданский кодекс РФ, российская судебная практика, а также научные труды отечественных авторов в области гражданского права. Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, аналогия) и специальные юридические методы (сравнительно-правовой, формально-логический, системный, структурно-функциональный и метод толкования). Обосновано, что принцип добросовестности, являясь общим принципом гражданского права России, реализуется, в частности, в ходе исполнения обязательств. Урегулированное правовыми нормами осуществление этого принципа обеспечивает баланс интересов кредитора и должника, позволяет добиваться результата, подразумеваемого и преследуемого правом, а также поддерживает стабильность гражданского оборота. Честное ведение дел, сотрудничество сторон и экономичное исполнение целесообразно рассматривать в качестве требований, соблюдение которых способствует пониманию и достижению целей и задач принципа добросовестности применительно к исполнению обязательств. Важно продолжить работу по формированию единообразного подхода к соблюдению перечисленных требований в указанной области посредством совершенствования уже имеющегося правового регулирования. Эффективность этого процесса будет способствовать повышению уровня судебского усмотрения в рамках установленных пределов и позволит сориентировать стороны в моделях поведения, направленных на достижение целей обязательств, т. е. на их надлежащее исполнение.

Ключевые слова: исполнение обязательств, договорное обязательство, принцип добросовестности, честность, сотрудничество, экономичность, российское право, гражданское право.

1. Введение

Совершенствование российского гражданского законодательства началось в 2008 г. вследствие произошедших в 1990-е годы экономических и социальных преобразований. В абз. 1 п. 6 гл. 1 Концепции развития гражданского законода-

тельства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009¹) отмечается: «Развитие экономики и становление гражданского общества требуют использовать все возможные меры и средства гражданского законодательства, чтобы обеспечить добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей». Разработка законодателем изменений была направлена, в частности, на повышение роли морально-нравственных начал, включая добросовестность, в регулировании гражданского оборота. Причина осуществления инициативы — отсутствие на тот момент в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) указания на добросовестность как на «общий принцип гражданского права» в условиях недостаточности «для эффективного правового регулирования» ссылок в ГК РФ «на добросовестность поведения субъектов отдельных правоотношений» (абз. 2 п. 1.1 гл. 2 упомянутой Концепции). Цель — обеспечение принципом добросовестности «правильного» права, «чтобы буква закона, позитивная норма в конкретной ситуации соответствовала духу закона» (Нам 2020).

В результате завершившейся в 2012 г. законотворческой работы с 1 марта 2013 г. за добросовестностью закреплён статус принципа (точнее, основного начала гражданского законодательства). В 2015 г. были урегулированы модальности ее реализации в ходе исполнения обязательств. Ввиду существенного влияния исполнения обязательств на экономическое развитие государства представляется актуальным исследовать сущность и значение добросовестности.

В отношении использованной в исследовании терминологии необходимо учитывать следующее. Принципы права, будучи «идейной основой всей системы, представляют собой генеральный уровень императивов для всех ее элементов» (Вавилин 2015, 100). Презумпция — предположение, которое признается истинным, если его ложность не будет доказана. Вероятность опровержения презумпции существует всегда, что отличает последнюю от неопровержимого по правовой природе принципа (Дерюгина 2013, 52). Правовая категория — фундаментальное понятие юридической науки, способствующее «познанию и пониманию правовых явлений и права в целом» (Щербаков 2017, 62). Требование (оценочная категория) прямо закреплено в законе, соглашении сторон или обычае либо косвенно вытекает из них и подразумевает обязанность должного поведения лиц в конкретных обстоятельствах.

2. Основное исследование

2.1. Реализация принципа добросовестности в ходе исполнения договорных обязательств. Требование честного ведения дел

Категория «добросовестность» прошла путь становления от требования к принципу, выражающемуся, в частности, в виде презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. По мнению С. В. Сарбаша, «требование добросовестности, изначально зародившись в области исполнения обязательств,

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru>.

со временем абсолютизировалось, распространившись на все гражданское право в целом (п. 3, 4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ)» (Сарбаш 2016, 16). В настоящее время общий принцип добросовестности применяется в том числе в ходе исполнения обязательств. Нормотворческая и доктринальная работа предшествовала достижению такого результата.

В научном сообществе отсутствует единство мнений о целесообразности использования морально-нравственных начал, включая добросовестность, в регулировании гражданского оборота. Авторы можно разделить на две группы: первые предлагают следовать юридическому подходу, вторые настаивают на важности соблюдения морально-нравственных правил.

Противники добавления добросовестности в гражданско-правовое регулирование опасаются его размывания, которое, по их оценкам, приведет к судебным ошибкам и усложнит взаимодействие сторон. В дореволюционное время И. А. Покровский утверждал, что не являющееся положительной тенденцией формирование «каучуковых норм», в частности понятий «добрые нравы» и «добрая совесть», открывает «неограниченные возможности для осуществления “конкретной справедливости”, для “взвешивания интересов” и других тому подобных опытов социального воздействия при посредстве свободного судебного усмотрения» (Покровский 2001). В советский период «само понятие добросовестности не отвергалось, но под добросовестным поведением понималось надлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств и других обязанностей» (Фогельсон 2017, 104–105). Некоторые авторы рассуждали о сущности добросовестности (зачастую выделяя ограничения для ее применения). Например, М. М. Агарков полагал, что «начало доброй совести означает борьбу с прямым или косвенным обманом, с использованием чужого заблуждения или непонимания», не распространяясь на осуществление права, ввиду возникновения вопроса «о доверии участников гражданских правоотношений друг к другу... тогда, когда надо установить смысл тех или иных волеизъявлений, истолковать или восполнить какой-либо договор» (Агарков 1946, 432).

На современном этапе А. Л. Маковский сомневается в целесообразности внедрения принципа добросовестности, допуская возможность рассмотрения этого вопроса «как части большой проблемы судебного усмотрения, проблемы оценочных категорий». Автор констатировал, что «сегодня, когда принцип добросовестности так или иначе, в праве или в законе, чаще всего в законе, фигурирует в правопорядках практически всех стран с развитой рыночной экономикой, такой подход кажется более чем странным» (Маковский 2013, 166). И. В. Цветков подчеркивает, что «наиболее опасной [среди новых положений обязательственного права] с точки зрения рисков является норма-принцип о добросовестности участников гражданских правоотношений», которая «создала немало проблем российским компаниям». Причина — субъективная оценка судом добросовестности сторон на основании установленных обстоятельств дела (Цветков 2016). Такой подход является дискуссионным, поскольку отсутствие у судей права анализировать оценочные категории не гарантирует вынесение справедливых и правомерных решений. Однако не следует исключать и вероятность вреда от широкого судебного усмотрения. Возможные ошибки и недочеты нижестоящих судов могут быть скорректированы более опытными судьями из вышестоящих инстанций, а обобщаемые результаты

их работы могут способствовать формированию единообразного подхода к правоприменению и укреплению правовой определенности.

Сторонники усиления добросовестности настаивают на обоснованности ее продвижения. В дореволюционный период И. Б. Новицкий полагал, что «договоры должны быть изъясняемы на основании не одного буквального их смысла, но и намерений лиц, их заключающих, в соответствии с требованиями доброй совести и обычаями гражданского оборота» (Новицкий 2006, 159). Л. И. Петражицкий отмечал, что в сфере действия обязательственного права «особая система норм о bona fides облегчает сбыт и приобретение объектов, устраняя на стороне спроса сомнения относительно юридического успеха сделок» (Петражицкий 2002). В советское время В. П. Грибанов исходил из того, что принцип добросовестности (при осуществлении гражданских прав) заключается в строгом соблюдении «правил социалистического общежития и моральных принципов общества, строящего коммунизм» (Грибанов 2001, 226–227).

С начала 1990-х годов число авторов, поддерживающих повышение роли добросовестности в регулировании гражданского оборота, возросло. По мнению Е. В. Вавилина, «конструктивным шагом представляется введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных начал», что «соответствует развитым зарубежным правовым порядкам» (Вавилин 2015, 100). М. Хесселинк отмечает, что в праве иностранных государств добросовестность часто рассматривается как высшая норма договорного права, или обязательственного права, или даже всего частного права (Hesselink 2011, 620). Р. Циммерманн и С. Уиттейкер, изучив подходы к добросовестности в европейских правовых порядках, определили примерный список ее универсальных проявлений в ходе исполнения обязательств:

- нечестность — это недобросовестность;
- лицо должно держать данное слово;
- сторона не должна ухудшать положение контрагента в результате своего поведения (неразумно или без какого-либо законного интереса);
- стороны должны быть освобождены от абсурдных последствий, которые вытекают из соглашения;
- умышленное (и неумышленное по праву некоторых зарубежных государств) нарушение договора, представляющее собой проявление недобросовестности, влечет юридические последствия (Zimmermann, Whittaker 2000, 690–694).

С учетом обоснованной обеспокоенности исследователей по поводу внедрения морально-нравственных начал в регулирование гражданского оборота позиция авторов, положительно оценивающих действия законодателя по усилению принципа добросовестности, по нашему мнению, более убедительна. Этот принцип ограничивает эгоизм сторон в достижении максимальной выгоды, выравнивает баланс интересов кредитора и должника и поддерживает стабильность гражданского оборота.

Становлению добросовестности способствовал подп. «а» п. 1 Указа Президента РФ от 18.07.2008 № 1108 «О совершенствовании ГК РФ», в котором была обозначена необходимость «дальнейшего развития основных принципов гражданского

законодательства РФ, соответствующих новому уровню развития рыночных отношений». В соответствии с Указом разрабатывалась вышеупомянутая Концепция развития гражданского законодательства РФ. Одной из мер, направленных на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования, стало «введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права» согласно абз. 2 п. 6 гл. 1 Концепции.

Регулирование добросовестности в отечественном законодательстве было изменено Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в гл. 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ». С момента его вступления в силу 1 марта 2013 г. согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ всем участникам гражданского оборота адресовано требование вести себя добросовестно «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей». Если до 1 марта 2013 г. «были актуальны слова И. А. Покровского: “современное гражданское право как бы говорит человеку: если тебе позволено быть в известных пределах эгоистом, то это не значит, что ты можешь быть злым” (Покровский 2001), то нормативным закреплением принципа добросовестности гражданское право к этому послыло добавило: “ты должен быть добрым”» (Микрюков 2013, 20).

И. Б. Новицкий понимал принцип добросовестности «как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом», выступает в качестве параллельной или подсобной нормы, призываемой к действию законом (в объективном значении), а также как «определенное сознание того или иного лица, как неведение некоторых обстоятельств, с наличием которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия» (в субъективном значении) (Новицкий 2006, 124–125). Таким образом, с одной стороны, добросовестность рассматривается в объективном смысле — «должное поведение в ситуации правовой неопределенности», т. е. как сформировавшийся в обществе и признанный в законодательстве, судебной практике или обычаях стандарт честного поведения в ходе исполнения обязательств. С другой стороны, это понятие раскрывается в субъективном смысле — «уважительное незнание о том или ином обстоятельстве, наступление которого влекут те или иные юридически значимые последствия» (Голубцов 2016, 178), т. е. как извинительное незнание («не знал и не должен был знать»).

До вступления в силу перечисленных изменений в ГК РФ «понятия “добросовестность” и “недобросовестность” содержались в 18 статьях»; после поправок эти термины упоминаются «уже в 43 статьях» (Вердиян 2019). В некоторых положениях ГК РФ прослеживается прямая взаимосвязь между наступлением определенных последствий для участников гражданских правоотношений и их добросовестным или недобросовестным поведением. Следствием недобросовестного поведения стороны может стать отсутствие установленного законом или договором результата либо наступление не соответствующих договору или закону последствий, значительно отличающихся от итогов, которых ожидал контрагент. Действующий недобросовестно должник злоупотребляет отношениями личного доверия и тем самым нарушает обязательство, что влечет для него негативные последствия, вытекающие из неправомерного поведения. Тем не менее «за неправомерность в смысле недо-

бросовестности не следует наказание, а применяются иные, более гибкие санкции, как то: блокировка возникновения прав и обязанностей (ст. 157 ГК РФ), передача вещи в собственность (ст. 220, 302 ГК РФ), возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение вреда (ст. 1103 ГК РФ), изъятие материального носителя исключительных прав (ст. 1252 ГК РФ), реституция и т. п.» (Волков 2013, 49).

Вступившим в силу 1 июня 2015 г. Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую ГК РФ» в п. 3 ст. 307 ГК РФ были предусмотрены модальности реализации принципа добросовестности в сфере обязательственных отношений и введены меры оценки поведения участников гражданского оборота при установлении, исполнении обязательств и после их прекращения:

- учет сторонами прав и законных интересов;
- взаимное оказание сторонами необходимого содействия;
- предоставление сторонами необходимой информации.

Указанная новелла раскрыла содержание принципа добросовестности в сфере обязательственного права посредством включения в ГК РФ общих ориентиров. Ввиду многообразия случаев, когда необходимо вести себя добросовестно, «все их в законе описать невозможно, ведь тогда ГК РФ превратится в сборник казусов». В связи с этим «можно сформулировать только общие, абстрактные требования к добросовестному поведению, приложимые к любому обязательственному отношению» (Сарбаш 2016, 19). Критерии необходимы по причине присущего правопорядку формализма и с учетом позитивистского уклона в правоприменительной практике. С их помощью можно оценить соблюдение или нарушение сторонами юридических правил, в основе которых находятся морально-нравственные начала.

Разделяя опасения, что судебское усмотрение способно перерасти в произвол, В. В. Витрянский полагает: «Проблема может быть решена путем формирования единообразной судебной практики, связанной с применением принципа добросовестности к различным гражданским правоотношениям» (Витрянский 2017, 58). Во избежание обращения судов к абстрактным, общечеловеческим понятиям судебское усмотрение не должно быть абсолютным и, помимо содержащихся в законодательстве пределов, его необходимо ограничивать разъяснениями Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) согласно ст. 126 Конституции РФ и подп. 1 п. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде РФ» (после упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) в 2014 г.). Реализуемое в установленных границах судебское усмотрение должно восполнять пробелы в законодательстве для защиты прав и интересов участников гражданского оборота и достижения подразумеваемого и преследуемого правом результата.

В Постановлении Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 3378/12 предусматривается, что предоставление судебной защиты «субъекту, длительное время совершавшему противоправные действия, которые влекли нарушение прав неопределенного круга лиц... и осознававшему противоправный характер своих действий», «не соответствует принципам добросовестного ведения деятельности участниками гражданского оборота и баланса публичных и частных интересов». Такая формулировка не позволила судам выработать единообразное понимание добросовестности. Требовавшиеся разъяснения были сделаны Пленумом ВС РФ

в абз. 3 п. 1 Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», который, помимо уточнения общей презумпции добросовестности, подчеркнул: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». Суд должен рассмотреть поведение сторон с позиции обычного добросовестного лица, преследующего цель должным образом реализовать право или исполнить обязанность.

В абз. 4 п. 1 указанного постановления Пленума ВС РФ говорится, что «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения». К. И. Скловский применительно к деятельности суда исходит из необходимости «в каждом деле, в котором обнаруживается вопрос о недобросовестности стороны, выявлять тот или иной состав фактов и давать ему квалификацию с позиций п. 3 ст. 1 ГК РФ» (Скловский 2017, 108). В. А. Белов, наоборот, отрицательно оценивает подход Пленума ВС РФ, отмечая, что такое решение поощряет суды исследовать «даже те вопросы, которые стороны хотели бы оставить за рамками процесса, в том числе вопросы нравственности, справедливости, разумности и т. п.» (Белов 2015). Принимая во внимание обоснованный аргумент автора, отметим, что позиция этого органа все же обусловлена стремлением защитить сторону, пострадавшую от недобросовестного поведения контрагента, которая в силу каких-либо причин самостоятельно не заявит соответствующих требований.

Принципу добросовестности, зачастую увязываемому с требованием совершать торговые операции, осуществляя честную деловую практику, отводится важная роль в актах международной унификации договорного права — нового *lex mercatoria*. Например, согласно имеющему императивный характер п. 1 ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров (Международный институт унификации частного права (УНИДРУА) утвердил их последнюю редакцию в 2016 г.) «каждая сторона обязана действовать в соответствии с добросовестностью и честной деловой практикой в международной торговле». В аутентичном толковании УНИДРУА добросовестность (вместе с честной деловой практикой) указана как «фундаментальная идея, лежащая в основании Принципов» (Комаров 2013, 19). В действиях российского законодателя, направленных на повышение значения добросовестности, прослеживаются заимствования из актов нового *lex mercatoria* (Принципов УНИДРУА², европейского договорного права (ЕДП)³, TransLex (предыдущее название — Принципы СЕНТРАЛ)⁴).

По мнению А. В. Коновалова, «отсылка участников гражданского оборота к базовому принципу добросовестности в гражданских правоотношениях со временем

² UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts. 2016. Дата обращения 15 января, 2020. <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf>.

³ Principles of European Contract Law. 2002. Дата обращения 15 января, 2020. <https://www.translex.org/400200>.

⁴ The Lex Mercatoria (Old and New) and the TransLex-Principles. 2013. Дата обращения 15 января, 2020. <https://www.trans-lex.org/901000>.

станет широко распространенной традицией судебной системы России». Основанное на правовом регулировании, а также судебном и доктринальном толковании всестороннее и целостное осмысление модальностей реализации принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств позволит способствовать выполнению следующих задач. Во-первых, это обеспечит «поддержание необходимого уровня динамичности и актуальности гражданско-правового регулирования... при сохранении общей стабильности, концептуальности и предсказуемости практики судов» (Коновалов 2016, 12). По словам Е. В. Васьковского, важно, «чтобы правосудие действительно отвечало своему названию, а не было механическим, шаблонным применением абстрактных норм права, независимым от этических принципов и конкретных обстоятельств каждого конкретного случая, словом, чтобы *jus strictum* было в то же время *jus aequum*» (Васьковский 2016, 526). Во-вторых, такой подход поможет судам разрешать споры, возникающие из неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств, а сторонам — не допускать возникновения подобного рода разногласий.

Соблюдению принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств способствует, в частности, требование честного ведения дел, в соответствии с которым стороны должны учитывать права и законные интересы друг друга (согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ), вести себя предусмотрительно, не допускать введения в заблуждение и обмана (включая сообщение неверных сведений или сокрытие важной информации) и не совершать действий, которые могут воспрепятствовать надлежащему исполнению обязательств.

2.2. Требование сотрудничества сторон

В научной литературе имеются различные точки зрения на сотрудничество сторон в ходе исполнения обязательств. Сотрудничество причислялось к принципам как в советский период (Толстой 1973, 189–202), так и после распада СССР (Сарбаш 2005). Тем не менее одновременно заявляется и об отсутствии необходимости в «принципе» содействия сторон в условиях рыночного хозяйства (Доренкова 2000, 29). В то же время, с одной стороны, отмечается, что упомянутый «принцип» неприменим к связанным с коммерческими рисками предпринимательским отношениям, однако в общегражданской сфере его реализация в определенных пределах возможна (Ровный 2000, 89–91). С другой стороны, наоборот, сотрудничество рассматривается как «общее начало и смысл» деятельности предпринимателей (теряющее «значение в отношениях с участием публично-правовых образований и потребителей») в ходе исполнения обязательств (Филиппова 2011, 153–154). Заслуживает также внимания подход, предполагающий, что в настоящее время «принцип взаимного сотрудничества и взаимопомощи участников гражданских правоотношений по воле законодателя... поглощен именно принципом добросовестности сторон» (Делягина 2016, 100).

Противники выделения правила о сотрудничестве говорят о его абстрактности, из-за которой может возникнуть недопонимание между сторонами, а также сложности у суда при оценке фактических обстоятельств дела и, как следствие, высокая вероятность широкого судейского усмотрения, которое может перетекать в произвол, и ошибок при вынесении решений. Практика показывает, что разъ-

яснения Пленума ВС РФ позволяют регулировать подобные вопросы. Кроме того, в качестве аргумента против указанного требования выдвигается якобы его несоответствие рыночной экономике. Вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения, поскольку не следует акцентировать внимание на противопоставлении административно-командного хозяйствования рыночной экономике. При этом сотрудничество может быть объективно востребованным в современных экономических отношениях.

В советское время сотрудничество сторон являлось принципом. В абз. 2 ст. 168 ГК РСФСР 1964 г. устанавливалось, что «каждая из сторон должна... оказывать другой стороне все возможное содействие в исполнении ею своих обязанностей». По мнению В. С. Толстого, указанное правило существенно отличало «советское гражданское право от буржуазного гражданского и торгового права» (Толстой 1973, 189). Тем не менее вряд ли отсутствие этого требования в части первой ГК РФ 1994 г. можно оправдать переходом от административно-командного хозяйствования к рынку в связи с распадом СССР ввиду того, что «в действительности влияние плановой экономики, преобладание административных методов организации оборота в советский период выражались скорее в фактическом порядке дел, а не в нормах права» (Хохлов 2015, 162).

О. С. Иоффе выделил правовые последствия содействия: «а) стороны вправе рассчитывать на такую взаимопомощь, которая не вытекает из их конкретных обязанностей, но становится в силу сложившихся обстоятельств необходимой для одной стороны и может быть ей оказана другой стороной без ущерба для себя; б) сторона, нарушившая это требование, лишается права на применение к другой стороне санкций за такую неисправность, которая могла быть предотвращена оказанием необходимой помощи» (Иоффе 2004, 113). Следует делать акцент не столько на действиях должника, который, например, должен информировать кредитора о трудностях в исполнении обязательства с целью совместного поиска взаимоприемлемых путей их преодоления, сколько на выполнении кредитором не предусмотренных законом и договором и имеющих «служебный организационный характер» обязанностей по оказанию помощи должнику в исполнении обязательства, которые напрямую с его целью не связаны, но играют определенную правовую роль, так как влияют «на освобождение должника от ответственности» (Кулаков 2015, 104–105).

Г. Г. Бирюков и Л. И. Шевченко группируют совершаемые при сотрудничестве действия «следующим образом: 1) действия, установленные в законе или договоре, и необходимые для надлежащего исполнения обязательств; 2) действия, установленные в законе или договоре, способствующие надлежащему исполнению; 3) действия, не предусмотренные ни в законе, ни в договоре, необходимые или способствующие надлежащему исполнению или ликвидации невыгодных для народного хозяйства последствий; 4) действия, предусмотренные в законе или договоре, необходимые и способствующие улучшенному исполнению; 5) действия, не предусмотренные законом и договором, необходимые и способствующие улучшенному исполнению» (Бирюков, Шевченко 1988, 35–36). По мнению С. В. Сарбаша, «даже если взаимоотношения сторон урегулированы договором детально, содействие одной стороны другой также может оказаться необходимым для надлежащего исполнения» (Сарбаш 2005). С учетом того, что от участия кредитора зачастую зависит конечный результат — достижение цели обязательства, — соблюдение требования

сотрудничества, способствующего реализации принципа добросовестности в ходе исполнения обязательства, свидетельствует о взаимосвязи последнего с принципом надлежащего исполнения. Несмотря на наличие у сторон собственных, как правило, несовпадающих интересов, их стимулируют не запреты и обязанности, а стремление к надлежащему исполнению обязательства, т. е. общий экономический интерес.

Сотрудничество предполагает в первую очередь деловое взаимодействие сторон в виде совершения действий, не оговоренных в ходе переговорного процесса и не включенных в соглашение ввиду отсутствия возможности предвидеть их заранее, а также в случаях, не урегулированных в законе. Содействие направлено на реализацию целей, поставленных сторонами в момент установления обязательства, в особенности на предотвращение и устранение непредвиденных обстоятельств, препятствующих его надлежащему исполнению.

Кредитор, оказывая содействие должнику, не должен нести риски (причинение убытков, возложение иных чрезмерных обременений и др.) или издержки. Отсутствие угрозы их наступления вследствие оказания необходимого содействия должнику соответствует принципу добросовестности. Если кредитор понес дополнительные расходы, должник покрывает их согласно ст. 309.2 ГК РФ и с учетом п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении».

Требование сотрудничества появилось в законодательстве 1 июня 2015 г. с момента вступления в силу Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую ГК РФ» посредством его закрепления в ранее упомянутом п. 3 ст. 307 ГК РФ. В Письме Роспотребнадзора от 05.05.2015 «О вступающих в силу 1 июня 2015 г. изменениях в ГК РФ» подчеркивается, что указанное положение ГК РФ «дополняет и развивает принцип изначально подразумеваемой (т. е. презумпции. — Д. А.) добросовестности любых гражданских правоотношений, в целом сформулированный в ст. 10 ГК РФ».

Ввиду оценочного характера понятий «сотрудничество» и «содействие» судам требуются правила, которые позволили бы определить их границы и содержание. По мнению С. Ю. Филипповой, содержание содействия можно определить посредством следующих критериев: 1) «его необходимый характер, что означает минимум действий, без которых обязательство не может быть исполнено без излишних затрат (денег, времени, материалов и пр.)»; 2) «его целесообразность, что означает соответствие содействия цели обязательства» (Филиппова 2016, 20). Третье правило — разумный характер сотрудничества, которое можно обычно ожидать при исполнении определенного рода обязательств.

Еще до появления в п. 3 ст. 307 ГК РФ требования сотрудничества Президиум ВАС РФ в Постановлении от 25.07.2011 № 3318/11 установил, что «гражданские отношения основаны на принципах равенства сторон... добросовестности их поведения, соразмерности мер гражданско-правовой ответственности последствиям правонарушения», добавив, что «стороны договора должны действовать, руководствуясь в том числе соображениями сотрудничества». Представляется дискуссионной позиция Е. И. Орешина и И. И. Суспицыной, которые полагают, что была сделана ссылка на содействие (сотрудничество) как на принцип, существующий в российском праве (Орешин, Суспицына 2012, 135). Правовую природу соображений сотрудничества сложно выявить с учетом имевшихся тогда норм. Исходя из ранее

существовавшего регулирования, это понятие представляло собой обращенную сторонам рекомендацию в ходе исполнения обязательств.

Стороны вправе сослаться на требование сотрудничества как на обычай согласно ст. 5 ГК РФ и с учетом абз. 1 п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»: «Под обычаем... следует понимать не предусмотренное законодательством, но сложившееся, т. е. достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое правило поведения при установлении и осуществлении гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей не только в предпринимательской, но и в иной деятельности, например... исполнение тех или иных обязательств».

Закреплению требования сотрудничества в ГК РФ предшествовало его широкое распространение в актах нового *lex mercatoria*: ст. 5.1.3 (сотрудничество между сторонами) Принципов УНИДРУА, ст. 1:202 (обязанность сотрудничать) Принципов ЕДП, ст. IV.6.9 (обязанность уведомления/сотрудничества) Принципов TransLex. В Принципах УНИДРУА и ЕДП указанное требование выделяется отдельно, а в Принципах TransLex его реализация связывается с добросовестностью. Таким образом, в актах нового *lex mercatoria* содержится требование сотрудничества, предъявляемое к сторонам в ходе исполнения обязательств, что подтверждает его высокую востребованность в экономических отношениях.

Е. И. Орешин и И. И. Суспицына полагают, что «принцип содействия можно рассматривать как составную часть правовой системы РФ в качестве общепризнанного принципа международного права на основании п. 1 ст. 7 ГК РФ и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ» (Орешин, Суспицына 2012, 136). Похожей точки зрения придерживается А. А. Волос, который в качестве одной из форм реализации «принципа содействия сторон» рассматривает «признанные Российской Федерацией нормы международного права» (Волос 2015, 179). Вряд ли можно поддержать такой подход, поскольку акты нового *lex mercatoria* носят рекомендательный характер. Стороны вправе подчинить свои правоотношения указанным актам, однако они будут обязательны только для них.

Имеющее единую нравственную основу с принципом добросовестности требование сотрудничества (которое присуще обязательственному праву) способствует его реализации в ходе исполнения обязательств. Законодатель, укрепив значение добросовестности в регулировании гражданско-правовых отношений, повысил роль упомянутого требования.

Для дополнения содержащейся в п. 3 ст. 307 ГК РФ нормы целесообразно расширить ее до обращенного сторонам требования заранее предупреждать об обстоятельствах, в результате которых какой-либо из сторон могут быть причинены убытки, а также оказывать разумное содействие друг другу в реализации прав и исполнении обязанностей. Необходимо ориентировать стороны на объединение усилий с целью обеспечения надлежащего исполнения обязательств в первую очередь при возникновении затруднительных обстоятельств. В ходе такого взаимодействия кредитор не должен принимать на себя риски или нести издержки. Целью сотрудничества является достижение максимально экономически выгодного для сторон результата.

Следовало бы рассмотреть возможность переноса п. 3 ст. 307 ГК РФ (с учетом смещения акцента на исполнение обязательств в том, что касается уже имеющих-

ся положений о взаимном оказании необходимого содействия и предоставлении требуемой информации) из гл. 21 «Понятие обязательства» в гл. 22 «Исполнение обязательств» посредством создания отдельной статьи либо включения в ст. 309 ГК РФ с целью подтверждения общего характера этого требования и усиления его юридически обязательной силы в отношении исполнения обязательств.

2.3. Требование экономичного исполнения

В научной литературе имеются различные подходы к экономичному исполнению обязательств. Экономичность исполнения рассматривалась в качестве принципа в советское время (Толстой 1973, 198–200) и в условиях рыночной экономики (Сарбаш 2005). При этом отмечается отказ от указанного «принципа» в ГК РФ (Доренкова 2000, 29). Следует также выделить подход, согласно которому требование экономичного исполнения обязательств охвачено принципом добросовестности (Кулаков 2015, 120).

В советский период экономичное исполнение имело статус принципа. В абз. 2 ст. 168 ГК РСФСР 1964 г. предусматривалось, что каждая сторона «должна свои обязанности исполнять наиболее экономичным для социалистического народного хозяйства образом». Указанное требование также содержалось в транспортном законодательстве, требовавшем «сокращения дальности и снижения транспортных издержек при перевозках, обеспечения сохранности грузов, недопущения излишне дальних, встречных и иных нерациональных перевозок» (Грибанов 2001, 231).

Законодатель не закрепил в части первой ГК РФ 1994 г. требование экономичности в качестве общего, однако оно регулирует исполнение подрядных обязательств (ст. 710, 713 ГК РФ). По мнению А. А. Волоса, «требование экономичности является фундаментальным правилом института исполнения обязательств, должно распространяться на все обязательственное право» (Волос 2015, 170). Указанное требование соответствует современному уровню развития экономических отношений и интересам сторон, что проявляется в действиях отечественного законодателя, направленных на развитие принципа добросовестности, в частности применительно к обязательственному праву. Требование экономичного исполнения обязательства следует рассматривать в качестве одного из проявлений «принципа добросовестности, правила о недопустимости злоупотребления правом, иных общих норм», поскольку если обязательство исполнено неэкономично, нерационально и с необоснованными издержками, то такое его исполнение следует признать недобросовестным, а в отдельных случаях его можно рассматривать как злоупотребление правом (Волос 2015, 168–169). Например, если поставщик воспользуется предоставленным ему в абз. 2 п. 1 ст. 510 ГК РФ правом выбора транспорта для доставки товара покупателю, который несет транспортные расходы, явно невыгодным транспортом (к примеру, вместо автомобильного авиационным), действия поставщика подпадают под злоупотребление правом (Кулаков 2015, 120).

Пленум ВАС РФ в п. 9 Постановления от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений ГК РФ о договоре поставки» рассмотрел вопрос о транспортных расходах и установил, что они «распределяются между сторонами в соответствии с договором», а при отсутствии соответствующего условия «суд путем толкования условий такого договора должен выяснить действительную

волю сторон с учетом практики их взаимоотношений». Если должник выбрал менее экономичный способ доставки товара, имея возможность осуществить ее более экономичным способом, то на него возлагаются невыгодные последствия такого решения. В. С. Толстой полагал, что «экономичность исполнения с точки зрения гражданского права находит свое выражение в выполнении работ с наименьшими затратами, если их стоимость не установлена заранее; в использовании для доставки груза наиболее дешевого вида транспорта, если расходы по перевозке ложатся на получателя; в максимальном уменьшении убытков, перелагаемых в порядке регресса на другое лицо, и т. д.» (Толстой 1973, 200).

Стороны вправе ссылаться на требование экономичного исполнения как на обычай согласно ст. 5 ГК РФ и с учетом абз. 1 п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».

Ввиду отсутствия универсальных правил определения экономичности исполнения обязательства представляют интерес выявленные А. А. Волосом примерные критерии:

- наименьшие материальные и финансовые затраты;
- оптимальные временные затраты (если стороны не установили срок);
- эффективное использование организационных возможностей;
- недопущение необязательных согласований при оформлении документов, иного намеренного затягивания (Волос 2015, 172–173).

Требование экономичного исполнения прямо не отражено в актах нового *lex mercatoria*. В то же время прослеживается его проявление в виде связанного с принципом добросовестности требования совершать торговые операции, осуществляя честную деловую практику: п. «с» ст. 5.1.2 (подразумеваемые обязательства) Принципов УНИДРУА, ст. 1:201 (добросовестность и честная деловая практика) Принципов ЕДП, ст. I.1.1 (принцип добросовестности и честной деловой практики в международной торговле) Принципов TransLex. Следовательно, указанное требование может быть косвенно выведено из актов нового *lex mercatoria*.

Требование экономичности (которое свойственно обязательственному праву) предполагает, что обязательства должны исполняться наиболее рациональным и целесообразным способом. Должнику следует выбирать эффективные, оптимальные и выгодные для кредитора варианты поведения в отношении предмета обязательства. Соблюдение этого требования, способствующего реализации принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств, позволяет достигать их целей с минимальными издержками и максимальной полнотой. Целесообразно выделить отдельную норму в гл. 22 «Исполнение обязательств» ГК РФ для стимулирования должников исполнять обязательства наиболее экономичным образом, что позволит обеспечить дополнительную защиту интересов кредиторов.

3. Выводы

Соблюдение принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств воплощает общий принцип добросовестности и является частным случаем его реализации. Применение указанного принципа способствует осуществлению прин-

ципа надлежащего исполнения обязательств, т. е. их исполнению в соответствии с предусмотренными сторонами условиями.

Системное представление о критериях, соблюдение которых позволяет оценить степень реализации принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств, отсутствует в законодательстве, судебной практике и доктрине. Можно выявить следующие требования:

- честного ведения дел, что предполагает взаимный учет сторонами прав и законных интересов друг друга и воздержание от совершения действий, которые могут воспрепятствовать надлежащему исполнению обязательства;
- сотрудничества сторон, под которым имеется в виду осуществление координации;
- экономичного исполнения, что призвано устранять дополнительные для сторон расходы без ущерба качеству.

Соблюдение перечисленных требований способствовало бы единообразному пониманию целей и задач принципа добросовестности в ходе исполнения обязательств, а также повышению уровня судейского усмотрения.

Целесообразно закрепить в гл. 22 «Исполнение обязательств» ГК РФ требование экономичного исполнения обязательств и перенести в нее скорректированный п. 3 ст. 307 ГК РФ, предусматривающий требование сотрудничества сторон.

Библиография

- Агарков, Михаил М. 1946. «Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве». *Известия Академии наук СССР* 6: 424–436.
- Белов, Вадим А. 2015. «“Двадцать пятое” постановление Пленума: толкование или... законодательство?» *Вестник экономического правосудия РФ* 11: 53–90. Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=94744#gScWOoSqc9zTnspt>.
- Бирюков, Георгий Г., Любовь И. Шевченко. 1988. «О принципе содействия при исполнении обязательств поставки». *Правовые вопросы перестройки хозяйственного механизма в современных условиях: межвуз. сб. науч. тр., отв. ред. Лев Б. Гальперин*, 33–40. Кемерово: Кемеровский государственный университет.
- Вавилин, Евгений В. 2015. «Концептуальные основы развития гражданского законодательства Российской Федерации». *Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки* 157 (6): 98–110.
- Васьковский, Евгений В. 2016. *Избранные работы польского периода*. М.: Статут.
- Вердиян, Григорий В. 2019. «Принцип добросовестности в гражданском праве России: судейское усмотрение и процессуальные приемы его реализации». *Мировой судья* 1: 28–40. Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=HstwJoSgd9GulXpX1&cacheid=180AA738AD18E2B362AF578C644A585C&mode=splus&base=CJI&n=120260&rnd=64D5E01256EC956FBC371FCDFCE841CD#agvwJoSOBcAuncEl>.
- Витрянский, Василий В. 2017. *Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги*. М.: Статут.
- Волков, Александр В. 2013. «Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве». *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция* 3 (20): 44–50.
- Волос, Алексей А. 2015. «Принципы обязательственного права». Дис. ... канд. юрид. наук, Саратовская государственная юридическая академия.

- Голубцов, Валерий Г. 2016. «Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики». *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 32: 175–184.
- Грибанов, Вениамин П. 2001. *Осуществление и защита гражданских прав*. М.: Статут.
- Деягина, Светлана В. 2016. «Принцип взаимного сотрудничества и взаимопомощи участников гражданского оборота как отдельная юридическая категория и его соотношение с принципом добросовестности сторон». *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика* 8: 98–109.
- Дерюгина, Татьяна В. 2013. «Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права». *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция* 3 (20): 51–55.
- Доренкова, Юлия М. 2000. «Исполнение договорного обязательства в гражданском праве России». Дис. ... канд. юрид. наук, Российская академия государственной службы при Президенте РФ.
- Иоффе, Олимпиад С. 2004. *Избранные труды*: в 4 т. Т. 3: Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Комаров, Александр С., пер. 2013. *Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010*. М.: Статут.
- Коновалов, Александр В. 2016. «Принцип добросовестности в новой редакции ГК РФ и в судебной практике». *Право. Журнал Высшей школы экономики* 4: 4–14.
- Кулаков, Владимир В. 2015. *Преращение обязательств по гражданскому законодательству России*. М.: Российский государственный университет правосудия.
- Маковский, Александр Л. 2013. «Об уроках реформирования Гражданского кодекса России». *Вестник гражданского права* 5: 157–172.
- Микрюков, Виктор А. 2013. «Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав». *Журнал российского права* 6: 17–24.
- Нам, Кирилл В. 2020. «Принцип добросовестности как правовой принцип». *Вестник экономического правосудия РФ* 2: 88–103. Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=128745#s9p6IoS1zX5xs5xB>.
- Новицкий, Иван Б. 2006. «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права». *Вестник гражданского права* 1 (6): 124–181.
- Орешин, Евгений И., Ирина И. Суспицына. 2012. «Принцип содействия сторон в исполнении обязательства: советский анахронизм или эффективный правовой инструмент?» *Закон* 11: 129–136.
- Петражицкий, Лев И. 2002. *Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права*. М.: Статут. Дата обращения 15 января, 2020. http://civil.consultant.ru/elib/books/12/page_41.html.
- Покровский, Иосиф А. 2001. *Основные проблемы гражданского права*. М.: Статут. Дата обращения 15 января, 2020. https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_30.html.
- Ровный, Валерий В. 2000. «Принцип взаимного сотрудничества сторон при исполнении обязательств в отечественном гражданском праве». *Правоведение* 1: 84–92.
- Сарбаш, Сергей В. 2005. *Исполнение договорного обязательства*. Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=499524194014461611436736144&cacheid=D2D8AC2E641FE98A141C6BEDCB5C73B7&modes=plus&base=CMB&n=15486&rnd=ADFA439D3EFDF4F3DCE0D8924692F368#2q3g0miey4o>.
- Сарбаш, Сергей В. 2016. *Элементарная догматика обязательств*. М.: Статут.
- Скловский, Константин И. 2017. «Толкование добросовестности как обязанность суда». *Закон* 1: 106–109.
- Толстой, Владимир С. 1973. *Исполнение обязательств*. М.: Юридическая литература.
- Филиппова, Софья Ю. 2011. *Частноправовые средства организации и достижения правовых целей*. М.: Статут.
- Филиппова, Софья Ю. 2016. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права»*, под ред. Ларисы В. Санниковой. М.: Статут.

- Фогельсон, Юрий Б. 2017. «Принцип добросовестности в российской судебной практике». *Вестник экономического правосудия РФ* 9: 103–116.
- Хохлов, Вадим А. 2015. *Общие положения об обязательствах*. М.: Статут.
- Цветков, Игорь В. 2016. «Российское обязательственное право стало значительно более гибким и удобным для бизнеса». *Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа* 3: 6–11. Дата обращения 15 января, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ytbNJ0SiHz5Tw2oF1&cacheid=A681FE60A121B0388A6BFBA2C647003D&mode=splus&base=CJI&n=103693&rnd=C9D18B9BD793E4EAC2F2B07ECA91F8B8#ZMeNJoS8YQLim1O21>.
- Щербаков, Роман А. 2017. «Классификация правовых категорий». *Вопросы российского и международного права* 7 (1А): 62–68.
- Hesselink, Martijn W. 2011. “The concept of good faith”. *Towards a European Civil Code*. 4th ed., revised and expanded, eds Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak, C. Edgar du Perron, 619–649. The Netherlands Kluwer Law International, ArsAequi Libri.
- Zimmermann, Reinhard, Simon Whittaker. 2000. *Good faith in European contract law*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2020 г.;
рекомендована к печати 10 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Алякин Дмитрий Сергеевич — соискатель; alyakin.dmitry@gmail.com

Good faith performance of contractual obligations under Russian law

D. S. Alyakin

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

For citation: Alyakin, Dmitry S. 2022. “Good faith performance of contractual obligations under Russian law”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 107–124.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.106> (In Russian)

The paper examines the implementation of the good faith performance of contractual obligations under Russian law, and identifies requirements addressed to parties in this area. The relevance of the paper stems from the increasing Russian legislator’s attention to extending the application of good faith in civil circulation, including the performance of obligations. The research aim is to examine the nature of good faith performance of obligations. The research material was the Civil Code of the Russian Federation, Russian jurisprudence, and domestic authors’ studies in the field of civil law. The methodological basis consisted of general scientific (analysis, synthesis, analogy) and special legal methods (comparative-legal, formal-logical, systemic, structural-functional methods, and a method of interpretation). It is justified that the principle of good faith, being a general principle of the Russian Civil Law, is implemented, in particular, in the field of performance of obligations. The implementation of this principle regulated by legal norms ensures a balance between the interests of a creditor and debtor, allows achieving the result implied and pursued by the law, and maintains the stability of civil circulation. It seems appropriate to consider good faith in doing business, cooperation between parties, and cost-effective performance as requirements contributing to the understanding and achieving goals and objectives of the principle of good faith in relation to the performance of obligations. It is important to continue working on the formation of a uniform approach to the implementation of the listed requirements in the mentioned field by improving the existing legal regulation. The effectiveness of this process will contribute to increasing the level of judicial discretion within the established limits and will allow to guide parties in

patterns of conduct aimed at achieving objectives of obligations, in other words, their due performance.

Keywords: performance of obligations, contractual obligation, good faith principle, fair dealing, cooperation, cost-effectiveness, Russian law, civil law.

References

- Agarkov, Mikhail M. 1946. "Problem of abuse of right under the Soviet Civil Law". *Izvestiia Akademii nauk SSSR* 6: 424–436. (In Russian)
- Belov, Vadim A. 2015. "'Twenty-fifth' decision of the Plenum: interpretation or... legislation?" *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF* 11: 53–90. Accessed 15 January, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=94744#gScWOoSqc9zTnspt>. (In Russian)
- Biriukov, Georgii G., Liubov' I. Shevchenko. 1988. "Principle of cooperation in the performance of delivery obligations". *Pravovye voprosy perestroiki hoziaistvennogo mekhanizma v sovremennykh usloviiah: mezhvuz. sb. nauch. tr.*, ed. by Lev B. Gal'perin, 33–40. Kemerovo, Kemerovskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Deliagina, Svetlana V. 2016. "Principle of mutual cooperation and assistance of parties to business transactions as a separate legal category and its correlation with the principle of good faith of parties". *Sotsialno-ekonomicheskie issledovaniia, gumanitarnye nauki i iurisprudentsiia: teoriia i praktika* 8: 98–109. (In Russian)
- Deriugina, Tat'iana V. 2013. "Good faith of participants of civil legal relations as a limit and principle of law". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Iurisprudentsiia* 3 (20): 51–55. (In Russian)
- Dorenkova, Iuliia M. 2000. "Performance of contractual obligation according to the Russian Civil Law". PhD diss., Rossiiskaia akademiia narodnogo khoziaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF. (In Russian)
- Filippova, Sof'ia Iu. 2011. *Private law means of organisation and achievement of legal goals*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Filippova, Sof'ia Iu. 2016. *Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article comment to section III 'General part of the law of obligations'*, ed. by Larisa V. Sannikova. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Fogel'son, Iurii B. 2017. "Principle of good faith in the Russian jurisprudence". *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia RF* 9: 103–116. (In Russian)
- Golubtsov, Valerii G. 2016. "Principle of good faith as an element of the legal mechanism to encourage debtor to duly perform obligations and guarantee interests of creditors: Analysis of judicial and arbitration practice". *Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki* 32: 175–184. (In Russian)
- Gribanov, Veniamin P. 2001. *Enjoyment and protection of civil rights*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Hesselink, Martijn W. 2011. "The concept of good faith". *Towards a European Civil Code*. 4th ed., revised and expanded, eds Arthur S. Hartkamp, Martijn W. Hesselink, Ewoud H. Hondius, Chantal Mak, C. Edgar du Perron, 619–649. The Netherlands Kluwer Law International, ArsAequi Libri.
- Ioffe, Olimpiad S. 2004. *Selected papers*, in 4 vols. Vol. 3: *Law of obligations*. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Khokhlov, Vadim A. 2015. *General provisions on obligations*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Komarov, Aleksandr S., transl. 2013. *Principles of international commercial contracts 2010 published by UNIDROIT*. Rus. ed. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Konovalov, Aleksandr V. 2016. "Principle of good faith in the new version of the Civil Code of the Russian Federation and jurisprudence". *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* 4: 4–14. (In Russian)
- Kulakov, Vladimir V. 2015. *Termination of obligations under the Russian civil law*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi universitet pravosudiia Publ. (In Russian)
- Makovskii, Aleksandr L. 2013. "Lessons learned from reforming the Civil Code of Russia". *Vestnik grazhdanskogo prava* 5: 157–172. (In Russian)
- Mikriukov, Viktor A. 2013. "Principle of good faith is a new moral constraint on civil rights". *Zhurnal rossiyskogo prava* 6: 17–24. (In Russian)

- Nam, Kirill V. 2020. "Principle of good faith as a legal principle". *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiiia RF* 2: 88–103. Accessed January 15, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=128745#s9p6IoS1zX5xs5xB>. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B. 2006. "Principle of good faith in the draft law of obligations". *Vestnik grazhdanskogo prava* 1 (6): 124–181. (In Russian)
- Oreshin, Evgenii I., Irina I. Suspitsyna. 2012. "Principle of cooperation between parties in the performance of an obligation: A Soviet anachronism or an effective legal instrument?" *Zakon* 11: 129–136. (In Russian)
- Petrzhitskii, Lev I. 2002. *The rights of a bona fide owner to income from the point of view of dogma and civil law policy*. Moscow, Statut Publ. Accessed January 15, 2020. http://civil.consultant.ru/elib/books/12/page_41.html. (In Russian)
- Pokrovskii, Iosif A. 2001. *Key problems of the civil law*. Moscow, Statut Publ. Accessed 15 January, 2020. https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_30.html. (In Russian)
- Rovnyi, Valerii V. 2000. "Principle of mutual cooperation between parties in the performance of obligations according to the domestic civil law". *Pravovedenie* 1: 84–92. (In Russian)
- Sarbash, Sergei V. 2005. *Performance of a contractual obligation*. Moscow, Statut Publ. Accessed January 15, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=499524194014461611436736144&cacheid=D2D8AC2E641FE98A141C6BEDCB5C73B7&mode=splus&base=CMB&n=15486&rnd=ADFA439D3EFDF4F3DCE0D8924692F368#2q3g0miey4o>. (In Russian)
- Sarbash, Sergei V. 2016. *Basic dogma of obligations*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Shcherbakov, Roman A. 2017. "Classification of legal categories". *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* 7 (1A): 62–68. (In Russian)
- Sklovskii, Konstantin I. 2017. "Interpretation of good faith as a duty of the court". *Zakon* 1: 106–109. (In Russian)
- Tolstoi, Vladimir S. 1973. *Performance of obligations*. Moscow, Iuridicheskaia literatura Publ. (In Russian)
- Tsvetkov, Igor' V. 2016. "Russian law of obligations has become much more flexible and suitable for businesses". *Vestnik Federal'nogo arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* 3: 6–11. Accessed January 15, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=ytbNJoSihz5Tw2oF1&cacheid=A681FE60A121B0388A6BFBA2C647003D&mode=splus&base=CJI&n=103693&rnd=C9D18B9BD793E4EAC2F2B07ECA91F8B8#ZMeNJoS8YQLim1O21>. (In Russian)
- Vas'kovskii, Evgenii V. 2016. *Selected papers of the Polish period*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Vavilin, Evgenii V. 2015. "Conceptual basics for the development of civil legislation of the Russian Federation". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* 157 (6): 98–110. (In Russian)
- Verdian, Grigorii V. 2019. "Principle of good faith according to the Russian Civil Law: Judicial discretion and procedural methods for its implementation". *Mirovoi sud'ia* 1: 28–40. Accessed January 15, 2020. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=HstwJoSgd9GulXpX1&cacheid=180AA738AD18E2B362AF578C644A585C&mode=splus&base=CJI&n=120260&rnd=64D5E01256EC956FBC371FCDFCE841CD#agvwoSObcAuncEl>. (In Russian)
- Vitrianskii, Vasilii V. 2017. *Reform of the civil legislation: Provisional results*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Volkov, Aleksandr V. 2013. "Correlation between the principle of good faith and the principle of inadmissibility of abuse of right according to the modern civil law". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5: Iurisprudentsiia* 3 (20): 44–50. (In Russian)
- Volos, Aleksei A. 2015. "Principles of the law of obligations". PhD Thesis, Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia. (In Russian)
- Zimmermann, Reinhard, Simon Whittaker. 2000. *Good faith in European contract law*. Cambridge, Cambridge University Press.

Received: March 12, 2020
 Accepted: December 10, 2021

Author's information:

Dmitry S. Alyakin — Postgraduate Student; alyakin.dmitry@gmail.com